

Сергей ПАВЛОВ,
член Союза писателей России

НАШ ДЕКАН – «ОТЕЦ ВАСИЛИЙ»



● Василий Николаевич Данков

Его жизнь, его характер трудно выписать в пастельных тонах. Они яркие, самобытны, колоритны, и в них много контраста, от мрачно-хмурого – до самого светлого, и потому, наверное, человек этот в жизни своей зачастую проявлял себя либо резко «за», либо так же резко «против». Середины, выписанной в мягких, приглушенных полутонах, словно бы и не существовало для него. Он из тех людей, чье жизненное кредо, наверное, лучше выразить строчками замечательного советского поэта Павла Когана: «...Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!..» А углы, как известно, имеют свойство ранить не только других, но и самого их

носителя. Эти люди во многом максималисты как по отношению к другим, так и к себе – в первую очередь. Таким в моем сознании остается образ этого человека, имя которого в Кузбассе знают многие – **ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДАНКОВ.**

Спустя много лет, отдав долгие годы учительской работе и журналистике, я долгое время работал в органах МВД следователем. Так уж случилось, что по роду службы мне приходилось много ездить как по области, так и по стране. Вольно ли, невольно ли, но в этих поездках заводились новые знакомства, и в них я порой обнаруживал для себя тех,

кто учился когда-то на филфаке Кемеровского пединститута или Кемеровского госуниверситета. И странное дело, разговор с доселе незнакомым мне человеком, всегда начинавшийся с определенной дозой официоза и на «вы», при первом упоминании имени Василия Николаевича Данкова сам собой переходил в доверительную беседу, а его самого мы называли не иначе, как «наш декан». И хоть у нас в стране сотни, а может быть, тысячи деканов, но наш Василий Николаевич был и остается для нас тем самым единственным человеком, который силой своего ума, доброты, широтой своей души и таланта мудрого педагога сумел собрать вокруг себя, объединить и сделать

единомышленниками тысячи таких разных людей. Его имя звучало и продолжает звучать по сей день как пароль, как шифр к душам людей, минуту назад еще совсем незнакомых, но после произнесения этого «пароля» внезапно открывающихся друг другу. Так в авиации, встретившись в небе, два неизвестных самолета обмениваются сигналом «свой-чужой». И если запрос и ответ совпали, то происходит тот счастливый момент узнавания близких душ, возникает доверие...

Не сразу, но, кажется, я разгадал магическую тайну имени этого человека. Просто мы, такие разные по характерам, возрасту, полу, жизненному статусу и прочим ипостасям, перед именем его словно бы уравнивались: мы были просто его учениками, его благодарными учениками. И если кто-то (а таких очень немного) из тысяч выпускников филфака скажет в сердцах: «Я к нему отношусь индифферентно...», – значит, когда-то каким-то своим острым углом Василий Николаевич задел этого человека, и боль до сих пор живет в его душе. И живет она лишь потому, что человек этот не смог или не захотел увидеть, узнать нашего декана в последние годы его жизни. Человек сильный, цельный, принципиальный, пронесший через большую и многотрудную жизнь свои идеалы добра и справедливости почти в неизменном виде, в одном он все же изменился. Не раз в разговоре Василий Николаевич говорил и словно винился перед теми людьми, кто в свое время вольно или невольно пострадал от его крутого характера и резкого слова: «...Сознаю, порой излишне резок был с людьми. Хотел помочь, оградить от чего-то, но в силу своего характера причинял боль... Хирург тоже делает больно, спасая человека, и если его понимают, то и обиды нет, а не поняли – она через всю жизнь шлейфом тянется. И я сейчас порой вспомню что-то, жалею: по-другому надо было сделать, другие слова найти, глядишь, и не было бы обиды у того че-

ловека... И чувство вины перед этими людьми всегда со мной. Не перед ними, так перед Богом теперь винюсь за «свои углы»...»

А в последние годы жизни религия у Василия Николаевича занимала одно из главных мест. В дни первопрестольных церковных праздников он посещал собор, ставил свечи как за здоровье ныне живущих его близких, так и за упокой ушедших, творил молитву и по мере того, как позволяло здоровье, держал пост. Атеизм его, в основе которого скорее находился скепсис, нежели упертое марксистско-ленинское убеждение, какое-то время удерживал его на уважительном расстоянии от церкви, но потом, словно созрев до нового ее понимания, он со всей силой своего темперамента УШЕЛ В ВЕРУ... Никогда не состоявший ни в какой партии, он немало претерпел от прежнего руководства вуза и партийных органов: человек, занимающийся подготовкой учителей, ученых, журналистов, а сам не являющийся идеологически проверенным и зрелым партийцем – нонсенс! Но так было, и только удивительный талант организатора, фантастическая работоспособность и беспредельная любовь студентов позволяли ему удерживать командные высоты на факультете без партийного билета и научной степени. И если к «больному» для себя вопросу о защите диссертации Василий Николаевич все же со временем пришел, то в ряды КПСС он так и не вступил...

1974 год. Кемеровский пединститут получил новый, более высокий статус – статус Кемеровского государственного университета. Данков, не имевший научного звания, сдает полномочия декана Маргарите Васильевне Орел и задумывается о работе над кандидатской диссертацией. Но текущие дела еще долго не отпускают его. Сначала надо было выпустить курс, для которого он был и навсегда остался деканом. Особенность этого курса была в том, что его сту-

денты поступали еще в пединститут, но при выпуске уже получали университетские дипломы. Именно этот курс стал родным для автора этих строк. Остались позади госэкзамены, состоялся прощальный вечер выпускников, но тут новая забота...

Не один год в институте велся разговор об открытии на филологическом факультете кафедры журналистики, и главным инициатором этого проекта был Данков. А коли так, то ему и доверили проведение всех организационно-подготовительных работ по ее созданию, а в помощь ему от Союза журналистов делегировали поэта и журналиста Геннадия Евлампиевича Юрова.

Юров Г. Е.: *«В 1974 году я был редактором Кемеровского книжного издательства, но до этого долгое время работал журналистом в «Магаданской правде», в «Кузбассе». Был первым в Кузбассе лауреатом премии Союза журналистов СССР. Нас с Василием Николаевичем отправили изучать опыт организации и деятельности факультетов журналистики в Уральском и Московском государственных университетах, а также кафедры журналистики при филологическом факультете Саратовского госуниверситета...»*

За время командировки я был свидетелем того, с каким тщанием и интересом изучал Василий Николаевич новое для себя дело. Он никогда не занимался журналистикой, но, похоже, был искренне заинтересован, чтобы в Кузбассе появилась своя кузница журналистов. Массу документов нам пришлось изучать, копировать, конспектировать, разговаривать со специалистами. Я был поражен, с каким интересом и самоотдачей работал Данков, и уже тогда понял, что поставленную перед ним задачу он выполнит и в Кузбассе будет своя кафедра журналистики...».

...И действительно, в тот же год при факультете была открыта специализация «Жур-

налистика». Занятия вели известные журналисты: Ю. Котляров, М. Щербаков и другие. Многие выпускники того первого журналистского набора и по сей день успешно работают в прессе. А в 1991 году при факультете была наконец открыта кафедра журналистики...

И только к концу 1974 года у Василия Николаевича появляется возможность всерьез заняться диссертацией. Впрочем, о диссертации лучше начать разговор с того самого времени, когда он к ней впервые подступился...

...В конце 50-х годов у нас в стране почему-то стали активно переучивать всех лингвистов высших учебных заведений. В Москве ради этого специально были открыты годичные курсы переподготовки, куда и попал Василий Николаевич. Здесь он посещал лекции академиков В. В. Виноградова и Н. Н. Прокоповича. Слушатели этих курсов имели возможность готовиться и сдавать экзамены в аспирантуру. Деятельный по своей натуре, Данков одновременно сдает экзамены в аспирантуру при МГУ (министерство высшего образования) и Московского пединститута (министерство просвещения), причем в МПИ им. Н. К. Крупской он был принят сразу на 2-й курс аспирантуры! Зато в МГУ его реферат читала известный лингвист, зав. кафедрой русского языка профессор Е. М. Галкина-Федорук. Казалось бы, впервые в жизни судьба улыбнулась ему, и тут же он сам был вынужден сделать трудный выбор. Уже состоялся XX съезд КПСС, разоблачен культ личности Сталина, но клеймо сына «врага народа» по-прежнему довлело над ним. Увидев, как тщательно относятся к оформлению документов в МГУ, Василий Данков из опасения, что могут дознаться, что его отец – священник, был репрессирован как враг народа, отзывает свои документы из аспирантуры МГУ.

...Почти весь 1975 год Василий Николаевич живет в Москве и пишет диссертацию.

Научным руководителем его был декан филфака Московского пединститута Хабургаев Георгий Александрович.

На защиту самой диссертации ему дали всего 20 минут. Когда Василий Николаевич закончил выступление, ученый совет своим долгим молчанием выразил и поддержку, и восхищение трудом немолодого кандидата (ему было тогда уже 49 лет!), а Хабургаев, заканчивая свое выступление по его работе, сказал так: «Товарищи, я сейчас не ставлю вопрос перед ученым советом о присуждении этому труду докторской диссертации, так как автор ее не имеет достаточного опыта научной работы, но по истечении времени и с учетом некоторых замечаний мы можем вернуться к обсуждению этого вопроса...».

Так в 1975 году Василий Николаевич получает степень кандидата филологических наук, а с 1976 года он вновь становится деканом филологического факультета Кемеровского госуниверситета и возглавляет его до 1992 года, вплоть до выхода на пенсию. Всего же Василий Николаевич Данков стоял у руля филологического факультета (учительского института, пединститута и университета) более двадцати лет!

Человек эмоциональный и прямой, Василий Николаевич никогда не проповедовал «византийскую хитрость», и вся любовь его, и вся злость читались на его лице, в его глазах. Наши девочки не раз с некоторой завистью в голосе говорили: «Ага, вам, парням, хорошо, он вас любит...» Может быть, это так и было, да только на пути к «этой любви» и парням приходилось познать в полной мере крутизну данковского характера...

1971 год. Мы только что освоили двухэтажное здание бывшей школы № 33, и туда перевели наш филфак. Иногда занятия у нас проходили поздно вечером. В один из зимних вечеров на семинаре по зарубежной литературе у И. Л. Днепровой я быстро «от-

стрелялся» по теме и, поняв, что преподаватель меня уже не спросит, углубился в чтение какой-то газеты. В это время неожиданно открылась дверь, на пороге появился декан и увидел меня, сидящего с газетой. Видимо, такая вольность его сильно возмутила, и потому он, не сдерживая раздражения и указывая на меня, сказал преподавателю: «Вы побольше их спрашивайте, бездельников! Ишь, газетки читают на семинаре...». Если бы занятия проходили на втором этаже, я, наверное, провалился бы на первый этаж. Но тогда я просто онемел от... всего: от обиды, от возмущения, а может быть, где-то и от страха... Первой заступилась за меня Ирина Леонидовна Днепровая. С присущим ей шармом она сказала декану с улыбкой: «Этот молодой человек уже заработал свою «пятерку», и я просила его больше не беспокоиться...» Удрученно хмыкнув, Василий Николаевич закрыл дверь. До конца семинара я оставался в подавленном состоянии от такой, по моему мнению, несправедливости. Едва прозвенел звонок, как наши девочки ринулись в коридор и там обступили декана. Что они ему говорили, я не слышал, но вдруг подходит ко мне Василий Николаевич, кладет руку на плечо и говорит с обезоруживающей улыбкой: «Извини, Сережа, за «бездельника», я ошибся, но газетки на семинаре все же читать не надо... Не сердись... А девочки у вас молодцы: как дружно поднялись на защиту!» И я моментально забыл про обиду...

Предметы Василий Николаевич вел, наверное, самые трудные – старославянский язык и историческую грамматику. Тут и современный-то русский язык, которым пользуешься каждый день, мудрено изучить до тонкостей (по крайней мере, у нас З. Н. Никулина редко кому «пятерки» ставила), а где уж одолеть мертвый старославянский, на котором уже никто не говорит! Хотя,

бывало, слушаешь лекцию Василия Николаевича, и мысль чудная в голову приходит: а может быть, он стажировку проходил у протопопа Аввакума или самого Баяна – так все складно и правильно у него получалось! А был такой случай: в самый разгар лекции вдруг раздался звонок на перемену (то ли дежурный что-то перепутал, то ли Василий Николаевич где-то не рассчитал, сейчас не вспомнишь), да только он сразу положил мелок на доску и всех отпустил. Так и осталась лекция прерванной на полуслове. На следующий день сидим в той же аудитории, заходит Василий Николаевич и... начинает лекцию как раз с того слова, на каком остановился вчера! То-то у нас было изумление... Уже по этому мы могли судить, как он знал свои лекции, как он знал свой предмет!

Конечно, были у нас студенты и студентки – знатоки этих предметов, но все же девчата в большинстве своем трудно постигали эту науку. Сидит на семинаре или зачете Василий Николаевич, слушает их лепет, закипит и сам начинает разъяснять заново, будто не они ему сдают, а он им. Расскажет все, еще переспросит, понятно ли, и поставит зачет. Понимал, видно, что дальше здесь идти некуда... Но был и другой случай в нашей группе. Одна очень симпатичная девчонка очень слабо отвечала на все вопросы преподавателя, что ни ответ, то мимо, уж и мы почти в открытую подсказывали ей парадигмы, да только она, что называется, ни в зуб ногой! И тогда Василий Николаевич взорвался. «Дура! – кричит, а после некоторой паузы спрашивает: – ...какого склонения?». Девушка в предобморочном состоянии сидит с раскрытым ртом, пытается что-то ответить, а получается только одно: «а... а...» – и на глазах слезы. Василий Николаевич вспыхнул и остыл, уже оценил ситуацию и так мягко, чуть ли не нежно говорит ей: «Правильно, а-склонение, а говоришь, что не знаешь...

Что-то учила, что-то знаешь, а остальное потом приложится...» И зачет он ей тогда поставил.

Как бы то ни было, но мы учились, сдавали зачеты и экзамены, кто с первого раза, кто со второго, а некоторые по ...дцать раз ходили. Таким уже за одну волю к победе наш декан ставил долгожданную «тройку». Особенно многих пугала манера Данкова принимать зачет или экзамен по любой газетке, лежащей на столе: берешь ручку, ткнешь в текст и... объясняешь, какие исторические грамматические изменения произошли в выбранном тобой таким образом слове. Студенты политеха шутили: кто сдал сопромат – может жениться, а мы им вторили: сдал историческую грамматику Данкову – тоже можешь жениться или выходить замуж!

Прекрасно знавший свой предмет, Василий Николаевич требовал таких же знаний и от нас. Похоже, любая «тройка» в зачетке студента огорчала его всерьез и надолго. Он считал, что с такими серыми знаниями педагог не имеет права идти к детям: «Недоученный учитель – что может быть хуже на ниве просвещения!» Если студент получал на сессии одну «тройку», то вопрос о стипендии становился проблематичным, а две «тройки» вообще закрывали даже тему для разговора о ней. Так случилось, что по итогам последней сессии я схватил две «тройки». Я тогда уже был женат и мотался между городами Кемерово и Белово, что не могло не сказаться на моих оценках, но стипендию мне все же назначили, и вот какой при этом у меня состоялся разговор с деканом.

– ...Что же ты так, Сережа, все время учился хорошо, а здесь? Ведь госэкзамены скоро!..

– Я знаю, только я их, похоже, уже сдал...

И тут Василий Николаевич заговорщически улыбнулся:

– Ну, кто родился-то? Как назвали?

– Сын... Санька...

– Хм, Александр Сергеевич – неплохо! Почти как Пушкин, хотя и Павлов – фамилия неплохая... Ну, ты теперь человек семейный, кормилец, так что тебе стипендия не помешает, а тройки эти – от забот родительских, что на тебя свалились, ведь так?..

И тут же ручкой дописывает мою фамилию в уже готовый приказ о назначении стипендии. А скольких наших девчат, ставших матерями в студенческие годы, он всячески поддерживал. А ведь такое никогда не забывается!..

А парней Василий Николаевич действительно любил, но особенно он бережно относился к тем, кто приехал «учиться на учителя» из глухой деревни. К этим ребятам он, цитируя классика, «милел людскою лаской...». А если он еще и разбирался в его предмете да при этом лихо играл на баяне – цены тому не было! И были у нас такие – Гена Коротков и Сергей Евдокимов. Вся художественная самодеятельность на них держалась. Геннадий сейчас в Кемерове живет, а Сергей успешно учителствует и плодотворно занимается краеведением в Гурьевском районе.

А причину такой заботы и нежности к сельским парням я узнал поздно, в 2005 году, когда Василий Николаевич неожиданно открыл завесу своей личной жизни.

...Родился он 18 апреля 1926 года в деревне Колыбелька Хлевинского района Воронежской области в семье сельского священника Данкова Николая Тихоновича. Летом 1929 года ночью в их дом стали ломиться люди в кожаных куртках: они провели обыск и арестовали отца. «С тех пор, – скажет много позже Василий Николаевич, – я стал помнить все...» С этим ночным стуком в сознание трехлетнего мальчика ворвалась суровая реальная жизнь того времени... Отца не было несколько лет, и никто не мог сказать ни жене, ни его родителям, где близкий им человек. Перед самой войной

Николай Тихонович вернулся в семью тяжело больной, в последней стадии туберкулеза. Впрочем, семьи уже не было: его жена, мать Василия Николаевича, Юлия Петровна, уставшая от неизвестности, а главное, из боязни за своих малолетних сыновей, Василия и Вениамина, оформила развод. И для всех соседей появившийся в их доме больной человек (а жили они в это время уже в другой деревне) был братом Юлии Петровны, и родные сыновья вынуждены были называть отца «дядей». Пожив в своей бывшей семье несколько дней и поняв, что помочь своим родным детям он уже ничем не сможет, и не желая подвергать опасности жизнь и здоровье близких (туберкулез был уже в открытой форме), он уезжает в Липецк, откуда вскоре пришло письмо от незнакомых людей, что Данков Николай Тихонович скончался... Наверное, нельзя сегодня строго судить простую русскую женщину, во имя спасения своих малолетних детей пошедшую на такой шаг в годину лихолетья. Тем более неподсудны дети – они из-за своего малолетства за многие годы разлуки просто могли забыть родного отца. Мать им стала и папой, и мамой. Такие были времена...

Сразу после ареста отца мать, оставив детей на своих родителей, что жили в соседней деревне, уехала в Воронеж, где работала прислугой, а потом окончила курсы медсестер-акушеров и была направлена на работу в Тамбовскую область. Забрав к себе своих детей, Юлия Петровна поселилась в селе Курдюки. Здесь Вася Данков пошел в школу в 1934 году, и первым учителем у него был Москалев Константин Антонович. Больше семидесяти лет прошло с тех пор, а Василий Николаевич до сих пор помнит этого человека, доброго, умного и всегда немножко грустного. Это хорошо, когда человек помнит своего первого учителя – честь одновременно и учителю, и ученику...

...Жили Данковы бедно, что называется, с огорода, где у них всегда росли картошка, лук, салаты, укроп, огурцы, а вот помидоры почему-то не росли. Зарплаты матери едва хватало, чтобы учить детей, обувать, одевать. В этом селе Василий Николаевич и окончил семилетку. Васе хотелось учиться дальше, науки ему давались легко, но школа колхозной молодежи (сокращенно ШКМ) находилась только в соседнем селе, а это больше десяти верст, и он едет поступать в строительный техникум сначала в Тамбовскую область, затем в Воронежскую. Но там его не взяли по причине малого возраста: Василию было 14, а в техникум брали только с 15 лет. Шел 1940 год...

И тогда Вася Данков принимает серьезное самостоятельное решение, возможно, самое первое в его жизни: он поступает в Тамбовское педагогическое училище. Ему предстояло там учиться 3 года. И сюда-то его взяли с трудом из-за того же «малолетства». Директор училища, глядя на паренька, говорил удрученно: «Тебе же по окончании училища и 18 не будет, как же ты будешь детей учить, если ты еще сам ребенок?..» Но этот сложный для Василия Данкова вопрос был жестко откорректирован войной...

...До Тамбова немцы не дошли, но иногда по ночам будущие учителя слышали отдаленный звук артиллерийской канонады, видели сполохи пламени взрывов да по радио каждый день с волнением слушали сводки Совинформбюро. Вскоре в здании училища открыли военный госпиталь, и занятия были перенесены в частный сектор, в жилые дома. Кто-то из учащихся уехал с родителями в глубокий тыл, кто-то болел, и в учебной комнате вместо 30 человек обычно присутствовало 6–7 самых стойких, и среди них был Вася Данков. В 1942-м занятия в училище были отменены на год, и он вернулся домой, в Курдюки. От Тамбова до Кур-

дюков было около 30 километров, и Василий Николаевич не раз ходил домой пешком: в субботу утром выходил – к вечеру был дома, где его ждали мать и брат, а в воскресенье – обратно, к ночи был в училище. Иногда, если повезет, добирался на попутках. Зимой всегда ходил на лыжах...

Окончил Василий Николаевич училище в 1944 году, когда ему уже исполнилось-таки 18 лет, а направление на работу он получил в железнодорожную школу Гомельского района Белоруссии. Война шла к концу, и потому Василия Данкова как учителя, направленного в школу на недавно освобожденную от оккупации территорию, в армию не взяли. Была и еще одна причина: ревматоидный порок сердца. Вряд ли 18-летний паренек всерьез признавал поставленный ему диагноз. Так и жил он, особо не распространяясь о своей болезни, а зачастую просто не замечая ее. С ранних лет сама жизнь учила его стойко переносить все тяготы и лишения – это ковало его характер, закаляло волю, добавляло житейского опыта.

– В школе я отработал 2 года, где вел занятия в 3-м и 4-м классах, – вспоминает Василий Николаевич. – Первый год жил в классе, потому как некуда было поселить молодого специалиста. После окончания занятий, вечером, я сдвигал столы, стелил свое пальто, подушку и накрывался легким одеялом, а утром здесь же вел занятия. Только к концу года я стал снимать квартиру...

Как работнику железнодорожной школы Василию Данкову полагались два бесплатных билета от Гомеля до Москвы и обратно, а также один бесплатный билет по СССР. Но ни разу он ими так и не воспользовался – получение их было связано с оформлением массы справок, характеристик и других документов, и потому домой, в Тамбовскую область, он ездил зачастую бесплатно... на крыше вагона. Всякое случалось

в пути: люди срывались с вагонов, однажды он видел следы крови на крыше и в вагоне: кого-то зарезали. А однажды и с ним едва не случилась беда... Ехал он на крыше один, в кармане были продуктовые карточки, а в мешке за плечами – мешок с хлебом. Такой богатый подарок матери и брату нечасто приходилось возить. И вдруг на крыше появились двое. Потребовали деньги и мешок. Налетчикам сказал твердо, без предательской дрожи в голосе: «На станции я вам дам по куску хлеба, но не больше, а денег у меня все равно нет...». А когда те пригрозили его сбросить с поезда, он крепко вцепился одной рукой в одного, другой – в другого, заявил: «Сбрасывайте, но хоть один из вас полетит со мной!..» Сказал негромко, но так твердо, что отступились эти двое и оставили его в покое. Довез-таки в тот раз Василий Николаевич хлеб своим родным.

...В 1946 году Данков поступает в Ново-зыбковский пединститут, что на Брянщине, на филологический факультет. В 1950 году по окончании института он женится на студентке того же факультета Раисе Бабиц, и, получив направление в учительский институт города Сураж, молодые педагоги выезжают к месту распределения. Работа в институте, учеба в аспирантуре – на все про все у Василия Николаевича уходит еще несколько лет, пока он не получает направление в Кемеровский учительский институт. Так с 1956 года судьба Василия Николаевича неразрывно связана с городом Кемерово.

...Начинали работать супруги Данковы в учительском институте, потом в пединституте, а на пенсию уходили уже из Кемеровского государственного университета. Не одну тысячу специалистов-лингвистов подготовили и направили в большую жизнь супруги Данковы. И если Василия Николаевича многие помнят суровым и строгим, то Раиса Ильинична навсегда останется в нашей па-

мяти как человек очень мягкий, тактичный, интеллигентный. «Да лучше «кол» у декана получить, чем «тройку» у Раисы... Стыдно же!» – почему-то отложился у меня в памяти невольно подслушанный разговор наших девушек перед семинаром по современному русскому языку.

Уже позднее я пытался понять, почему же так разительно менялось наше отношение к этому человеку: если на первом курсе его боялись «до потери пульса», то на выпускном вечере, который у нашего курса состоялся в июне 1974 года в ресторане «Сибирь», девчата с бокалами выстроились в длинную очередь, чтобы непременно выпить с Василием Николаевичем шампанского и обязательно его поцеловать. Это был апогей уважения, апогей любви человеческой. Почему-то уверен, что и до нас, и после нас выпускники филфака именно так выражали свои чувства к этому человеку... А объяснялось это тем, что мы, взрослея курс от курса, начинали понимать, что за внешне суровой манерой говорить, за скупыми по-мужски похвалами, за строгостью и требовательностью у этого человека всегда оставалось доброе сердце, чуткое отношение к каждому студенту. А своими прямыми, хотя порой и резкими суждениями он учил нас быть принципиальными, справедливыми, честными. К последнему курсу для своих студентов Василий Николаевич превращался в... «отца Василия». Преподавателей в университете было всегда много: доценты, профессора, академики, но «отец Василий» был только один!

...Среди огромного количества выпускников Данкова были партийные работники – и еще совсем недавно ими особенно гордились и всегда приглашали в президиум на встречах с выпускниками филфака. Сейчас в пору гордиться тем, что у него на филфаке учились депутат Госдумы Тамара Фральцова, один из руководителей областной адми-

нистрации Сергей Черемнов, заместитель мэра города Ирина Федорова. Немало докторов и кандидатов наук продолжают дело своего учителя и преподают в вузах литературу и русский язык: Людмила Ходанен, Иван Есаулов, Михаил Лучников, Елена и Василий Васильевы, Нина Гордеева, Галина Карпова, Лидия Ким, Елена Рыбникова, Ирина Юртаева, Ирина Ащеулова... А сколько известных кузбасских журналистов с благодарностью вспоминают годы учебы под началом Василия Николаевича. Среди них Олег Курочкин, Татьяна Худобина, Анатолий Клишин, Дмитрий Сагара, Александр Лейберт, Сергей Киселев, Владимир Маракулин, Евгений Носарев и многие другие. На филфаке всегда было много творческих личностей, а отсюда та феерия идей, эмоций, задумок и планов, что позволяла филфаковцам занимать самые высокие места в институтских (университетских) смотрах художественной самодеятельности. Большим почетом и уважением у нас всегда пользовались наши поэты: Наташа Люто, Володя Лосев, Юра Ващенко, Женя Худобин. Да простят меня те, кто учился позже и кого я здесь не назвал. Профессионально занимаются литературой выпускники факультета: поэты Александр Ибрагимов, Владимир Соколов и Ирина Фролова (Барышникова), а также автор этих строк, отдавший предпочтение прозе. Все они члены Союза писателей России, живут и работают в родном для них Кемерове.

Как ни приятно было Василию Николаевичу узнавать о творческих достижениях своих учеников, но, как и прежде, больше всего он любил тех своих студентов, кто безоглядно и самоотверженно отдавал и отдает себя учительской работе. Недолюбливал Василий Николаевич слово «педагогика», что-то чужое, инородное проглядывало в этимологии этого слова, иное дело – «учитель». «Сельский педагог» – звучит? Нет, а вот «сельский

учитель» – легко и близко ложится к сердцу. И потому так радовался наш старый и добрый Учитель, когда до него доходили вести о том, что где-то в гурьевской глубинке занимаются педагогической деятельностью его ученики Ольга и Сергей Евдокимовы; что балагур и весельчак Саша Дубчак преподает в Юрге и давно стал заслуженным учителем России; что многие школы и другие учебные заведения области возглавляют его бывшие ученики. Наверное, нет ничего приятнее и дороже, чем видеть в учениках продолжение своего дела, продолжение своей жизни. А Василий Николаевич это видел, знал и радовался этому. Это была святая радость!

...18 апреля 2006 года Василию Николаевичу исполнилось восемьдесят лет. Возраст почтенный и пока труднодостижимый для многих русских мужчин. И потому так спешили поздравить своего Учителя его ученики...

В этот день в 10 часов утра на площади имени Пушкина было многолюдно. Именно сюда пришли бывшие выпускники филфака. Были здесь как кемеровчане, так и учителя из Топок, Березовского и близлежащих кемеровских сел. Ровно в одиннадцать часов на Притомской набережной, под окнами квартиры юбиляра прозвучало дружное: «Данкова! Поздравляем с юбилеем!» А сколько удивления и радости было на лице Василия Николаевича, когда вышел к нам в сопровождении своих детей и внуков. Сколько было цветов, объятий, поцелуев и добрых слов сказано во время этой встречи. Десятки лет не видел многих своих учеников Василий Николаевич, а ведь тут вспомнил и называл их по именам, по девичьим фамилиям. Здесь же состоялись экспресс-интервью юбиляра сразу двум кузбасским телеканалам. Потом Василий Николаевич долго и благодарно вспоминал эти мгновения, а одна из городских газет написала тогда, что так в нашем городе еще никогда никогда не поздравляли...